

МАРГАРИТА КОРОВИНА

САНТА-МАТРЕШКИНО 2

ИЛИ

КАКАЯ ЖЕ ТЫ,
МАРГАРИТА?

Аннотация

После событий, описанных в «Санта-Матрешкино» прошло полгода. Маргарита Алексеевна снова мирно жила в своем домике. Но жизнь стала казаться пресной и скучной... И тогда Маргарита решила понять, какая же она на самом деле и чего же ей хочется. Скорее всего любви? И тут же — как по мановению волшебной палочки — появился Он, волшебный принц ее грез. Только вот откуда он знает ее имя? Сама Маргарита никак не могла вспомнить, где и когда с ним познакомилась... Да еще сводная сестра Любочка вдруг получила неожиданное наследство... Посоветовавшись, сестры решили, что это все козни их брата Влада. И тут же решили страшно отомстить...

Маргарита Коровина Санта-Матрешкино — 2, или Какая же ты, Маргарита

Глава 1. Гадина

— Какая же ты, Ритка, гадина! — сердито выкрикнула Любочка и выскочила из дома, от души хлопнув дверью.

Я взяла с комода зеркальце и поставила его на стол перед собой. В мутном стекле старого — еще бабушкиного — зеркала отразилась моя физиономия: темные волосы с блестками седины, карие глаза с тонкой и сухой кожей вокруг век, да еще и с синими тенями под ними, изящный прямой нос, губы, уже теряющие привлекательную полноту...

Ну, и какая же ты, Рита? Гадина? Или язва? Или завистница? Или красавица? Или хорошая женщина? Или не женщина, а мужик в юбке? Еще полгода назад Любочка уважительно называла меня Маргарита Алексеевна, а сейчас... И из-за чего? Я просто позволила себе высказаться по поводу ее странного романа с Пашкой Петровым... Не следовало этого делать. Молодежь сейчас совсем не такая, как в мое время, и легко хамит старшим...

Но вопрос, конечно, интересный. Какая же я на самом деле? Вот на прошлой неделе я встречалась с Николашей... Дай бог памяти припомнить, что он там шептал в порыве страсти? «Какая ты красивая?» А еще: «Какая ты сладкая?» Да, надо признать, люди оценивают меня совершенно по-разному, причем каждый в меру своей испорченности. Интересно, интересно. Кажется, я нашла абсолютный эквивалент, по которому человек может определить для себя, какой же он на самом деле. Значит так, надо вспомнить всех моих знакомых и проанализировать мое отношение...

— Марго-о-о! Ты где?

Я испуганно вздрогнула. Братец возник из ниоткуда и в самый неподходящий момент.

— Привет, Владик, я в большой комнате.

— Привет, сестричка. Смотри, что я тебе привез, — и Влад вытащил из полиэтиленового пакета нечто маленькое и пушистое. Оно безвольно повисло в его руке, поджав куцый хвостик и жалобно лупая блестящими глазенками.

— Что это? — холодно поинтересовалась я.

Ведь Влад знает, что зверье мне нравится только в виде открыток на стене или плюшевых подушек на диване!

— Это? Это щенок. А может, котенок. Я не очень в этом разбираюсь. В общем, я сегодня из

дома вышел, а оно у подъезда сидит и плачет. Какая-то сволочь этакого крохотного зверенка выбросила на мороз... Я его попытался у коллег пристроить, но у них всех уже есть или кошки или собаки. И тут я вспомнил о тебе...

— Спасибо, дорогой. Но что я с ним буду делать?

— Как что? Растить, холить и нежить. У тебя ведь никого нет: ни пса, ни кота, ни мужа. Вот я и решил тебе помочь...

— Ох, братик, какой же ты заботливый! Мне кажется, я должна поблагодарить тебя хотя бы за то, что ты не начал заботиться обо мне с мужа.

— Да? А он тебе нужен?

— Нет, так же, как, впрочем, и щенок с котенком.

— Но щенок (или котенок?) у тебя уже есть, — и он поставил звереныша на пол, махнул мне рукой и выскочил за дверь.

Обычное Владиково поведение: сделать, не подумав, и быстрее убежать... И что мне с этим заморышем делать? И кто он (или она) — кот или пес? Вот возьму сейчас это за шкурку и выкину на улицу! Нет, не могу. Если я это сделаю, то обо мне можно будет сказать не только какая же я гадина, но и тем самым словом, которым Влад назвал нелюдя, выбросившего эту малютку на мороз. Ладно, придется оставить. Но кто оно?

Я взяла лохматый комочек в руки и стала разглядывать. Круглые глаза мутно-синего цвета, мягкая шерсть, коротенький хвостик, плоская мордочка. Нет, моих познаний в звероводстве не хватает даже на то, чтобы определить его породу, не то что пол. Или пол я все-таки могу определить?

Я повернула малыша пузом кверху. Под хвостом угадывались два маленьких комочка. Значит, мальчик. Я поставила зверенка себе на ладонь. Чтобы удержаться, он запустил белые прозрачные коготки мне под кожу. Котенок! Я точно знаю, что когти в такой ситуации используют кошки. Слава богу! Значит, не нужно будет просыпаться по утрам, чтобы выгуливать это сокровище.

Я пошла на кухню, достала из холодильника пакет молока и налила его в блюдце. Потом поставила угощение перед котенком. Несмышлениш пару секунд покачался на своих слабых ножках, а потом пополз ко мне.

— Эй, дружище, ты что, молоко не любишь?

Котенок меланхолично двигался к моим ногам. Что же делать? Похоже, он не умеет пить из блюдца. Надо кому-то позвонить. Кажется, у Севы есть кошка. Во всяком случае, я видела у него на кухне миску, сильно похожую на кошачью.

— Севочка, привет!

— О-о-о, Риточка, ушам своим не верю, что за

форс-мажор у тебя случился?

— Мой брат подарил мне кота. А может, пса. Но я думаю, что это кот. И он не умеет пить из блюдца.

Севочка радостно загыгыкал. Я нажала на мобильнике кнопку отбоя. А потом вообще его выключила. Пусть только попробует еще хоть раз позвонить мне, шут гороховый. Мало ему не будет...

Но что же делать с котом? Пушистый комочек настойчиво ползал за мной по кухне и жалобно пищал. Я поднапрягла память и припомнила, что в любимой моей книжке про львицу Кинули для кормления использовалась детская соска. Хорошая идея. Я засобиралась в аптеку, но вовремя сообразила, что в рот котенка детская соска не влезет. Опять неудача. А котенок пищал все истошнее. Может, позвонить родителям? Нет, это уж слишком. Бросаться по каждому пустячному поводу за помощью к предкам — это тот самый инфантилизм, в котором меня обвиняет Костя, сын маминого мужа. Надо самой найти выход.

Я взяла кота на руки и уселась в комнате на диване. Звереныш тут же нашел мой мизинец и начал его сосать...

Эврика! Я знаю, что делать. Засунув малыша в карман кофты, я пошла на кухню и достала из шкафчика пипетку. Отодрав резиновый колпачок,

наполнила молоком маленькую бутылочку от таблеток и надела на нее колпачок от пипетки, отрезав у него самый верх. После чего вынула kota из кармана и сунула ему в рот микро-рожок.

Бутылочку пришлось наполнять раз двадцать, пока этот обжора не заснул у меня на руках. К этому времени я уже вдоволь наигралась в дочки-матери и мечтала поскорее лечь в кроватку. Слава богу, что у нас с Толиком не завелись дети. Мамаша из меня вышла бы еще хуже, чем моя. Забота о ближнем отнимает у меня все силы. Я чувствую себя выжатым до последней капли лимоном, который годен только для помойного ведра. Вот Любочка... Да, а я сегодня с ней поругалась... И зачем мне было критиковать ее Пашку? Ну какое мне дело, что между ними происходит? Летом я думала, что моя сестрица по уши влюблена в Станислава Алексеевича. Осенью пришлось признать, что я ошибалась. Истинным властителем ее чувств был не героический милиционер, а рядовой менеджер из ее конторы. И ко мне в Матрешкино она сбежала для того, чтобы помучить милого. Он ей под окнами ее городской квартиры серенады пел, а она мне варенье в это время варила... Да, варенье-то у нее вкусное получилось. Жаль, уже все съедено...

Я забралась под одеяло, предварительно уложив котенка на меховую шапку поближе к

печке. За окном тихо падал снег, потрескивали догорающие угольки... Было хорошо и тихо. Но недолго. Около моей избушки замелькали огни автомобильных фар, и через минуту завершал звонок. Я тихо вылезла из постели, надела халат и подошла к входной двери. Много лет назад я упросила Влада врезать рядом с дверью маленькое окошко. И сейчас с удовлетворением разглядывала сквозь это окошко виноватую физиономию Севочки. И огромный букет лилий, который он держал в руке.

Открывать или нет — вот в чем вопрос? Проблему с кормлением кота я уже решила. Тогда зачем мне сейчас мой поклонничек нужен? Придется поить его чаем, потом, естественно, ему захочется любви... А мне? Я не любительница внезапно нахлынувших страстей...

Не знаю. Может, пойти обратно под одеяло и притвориться, что крепко сплю и ничего не слышу? Неудобно как-то. Человек примчался ко мне за тридевять земель, бросив свои дела, а я его впускать не хочу... Ну да, не хочу, а что поделаешь? Но придется, иначе моя совесть (порядком привядшая благодаря Любочкиной воспитательной работе) меня загрызет.

Я включила в прихожей свет и открыла дверь. Севочка несмело мялся на пороге.

— Заходи, раз пришел, — приободрила его я.

Он вошел, протянул мне лилии, умильно глядя мне в глаза.

— Извини, Риточка, я был неправ.

— Да.

— Что да? Ты меня извиняешь?

— Нет, подтверждаю, что ты был неправ.

Он вздохнул и продолжил покаянную речь:

— Я не хотел тебя обидеть... Просто ты так редко звонишь мне сама... Вот я от радости и не соображал, что делаю.

— Севочка, право слово... Тебе ведь не шестнадцать лет, чтобы голову терять...

— Знаешь, Риточка, — он грустно вздохнул, — я ведь говорил тебе, что люблю тебя, да?

— Ну, да.

— А ты мне не веришь?

Я пожала плечами и пошла в комнату. Севочка шел за мной.

Странный он. Ну какая может быть любовь в нашем возрасте? Нет, я, конечно, читала, что любви все возрасты покорны, но, когда прибавляются года, убавляется интенсивность чувств. И на место юношескому безумию приходит взвешенное сексуальное влечение, подкрепленное общностью интересов и воспитания. И терять голову из-за звонка своей... подруги, мне кажется немного неуместным. *Un peu ridicule*, как говорят французы.

Я поставила лилии в большую стеклянную вазу и повернулась к поклоннику:

— Чаю хочешь?

Севочка кивнул. Я вздохнула и пошла на кухню. Поклонничек тенью следовал за мной.

После чаепития, обсуждения кошачьих проблем и осмотра Владова подарка Севочка, естественно, перешел к поцелуям и прочим нежностям. Я решительно отстранилась. Не дай бог, он решит, что ко мне можно являться, как только ему этого захочется! Я вовсе не жажду быть игрушкой в руках мужчины, даже если он утверждает, что любит меня, как Ромео Джульетту.

Севочка насупился:

— Все еще обижаешься?

— Нет, — спокойно ответила я и улыбнулась. Он обескураженно замолчал, — я думаю, тебе лучше поехать домой...

— Риточка, извини меня, идиотку... — Любочка влетела в комнату и растерянно замерла. Сцена была весьма красноречивой: я в халате, рядом со мной смущенный и стремительно краснеющий поклонник, — ой, я не знала... Простите. — Любочка начала пятиться к двери.

— Все нормально, сестричка, Всеволод Михайлович уже уходит, — с видом великосветской львицы произнесла я и повернулась

к Севочке, — до свидания, Всеволод Михайлович.

— До свидания, Маргарита Алексеевна, — обреченно пробормотал он и вышел.

Заурчал мотор машины, мелькнул свет фар, и снова стало тихо. Я повернулась к Любочке:

— Надеюсь, ты не будешь утверждать, что не видела его машину?

— Нет... То есть, да... Я ее видела, но думала, что это к Валере кто-то приехал. У него Лексус, да?

— Не знаю. Что-то блестящее и большое.

— Ну, ты даешь! — начала Любочка и осеклась. Потом продолжила, как ни в чем не бывало, — извини меня, еще раз. Ты, как всегда была права, насчет этого олуха Пашки.

Я холодно молчала. Сегодняшний вечер извинений показался мне несколько длинноватым. Любочка помялась немного и попросила:

— Можно я у тебя на ночь останусь? А то уже поздно...

Я кивнула:

— Оставайся. Ужин себе сама приготовишь.

— Ага, — ответила Любочка и ушла на кухню.

А я отправилась в постельку.

Через полчаса сестрица втиснулась в мою комнату с огромным подносом в руках. На нем возвышалась горка блинов, благоухала селедочка в маринаде и исходил паром чайник с крепко

заваренным чаем. Вот момент, ради которого стоит жить!

Я села на постели и позволила Любочке налить мне чайку и завернуть пару кусочков селедки в сладкий блин. Конечно, сейчас она начнет делиться со мной подробностями своих отношений с господином Петровым, но в компании блинов я готова выслушивать все, что угодно.

— Нет, ты только представь, — начала сестрица...

— Марго, слушай, я был неправ, — ворвался в комнату Влад.

Ну вот, прощайте, блины. Прощай, селедочка. Я засунула себе в рот то, что еще держала в руках, а дальше просто пассивно смотрела, как братец уничтожает мое угощение и допивает мой чай.

— Так, вот, Марго, — продолжил Влад, дожевывая последний блинок, — я приехал домой и позвонил папе. Рассказал ему о моем подарке. Ну, и он устроил мне форменную головомойку. Что с моей стороны очень некрасиво подсовывать тебе животное, которое, я знаю, ты не любишь. И если я хочу сделать доброе дело, то должен делать его своими руками, а не твоими. И так далее, и тому подобное. В общем, он меня убедил, и я приехал забрать Корнелиуса.

— Какого Корнелиуса? — изумленно вытаращилась на меня Любочка.

— Вот этого, — я махнула рукой в направлении печки, около которой спал котенок.

— Ой, какая прелесть! — заверещала Любочка, — Владик, можно я себе его заберу? Пожалуйста.

Влад решительно покачал головой.

— Я обещал папе, что буду заботиться о нем самостоятельно.

— Подожди, дорогой, — я решила, что должна восстановить статус кво, — насколько я помню, ты мне его подарил, да?

— Да, но это была ошибка.

— Поздно. Отбирать подарки — это верх невоспитанности, — сурово продолжила я, — и кота зовут не Корнелиус, а Мурзик.

Влад смотрел на меня, как на восьмое чудо света.

— Марго, что с тобой? Ты заболела? Зачем тебе этот зверь?

— Чтобы заботиться о нем и любить его.

Теперь изумление было и в глазах Любочки.

— Но ты ведь не любишь животных!!!

— Животных не люблю. А Мурзика люблю. Он стал мне роднее всех, после того как я битый час его молоком из пипетки кормила. Все. Разговор окончен. Спокойной ночи, — и я повернулась к стенке, демонстрируя нежелание продолжать разговор.

— Все-таки ты гадина, — прошипела мне в спину Любочка, — я не буду у тебя оставаться. Владик, отвези меня домой.

И они, осуждающе топоча, вышли из моей комнаты.

Глава 2. Хорошая девочка

...Умница моя, хорошая девочка, — папочка погладил меня по головке, и вышел из комнаты. Я тихонечко достала из под юбки книжку и положила ее поверх тетради. Математику успею сделать на переменке, а если мне не удастся узнать, чем закончились злоключения леди Ровенты, то точно не смогу заснуть. До конца романа отставалось еще страниц сто — как раз часов до двенадцати. Вот сейчас посижу за столом, изображая приготовление уроков, потом поужинаю со всеми и лягу спать. Под кроватью у меня спрятан мой личный фонарик, купленный на деньги, выдаваемые на мороженое, и с его помощью я буду читать до победного конца...

Наверно, это было не очень красиво обманывать родителей. Но страсть к книгам была сильнее морали. К тому же так приятно было слышать, что я умница и хорошая девочка. Мои родители часто хвалили нас с братом. Хотя Влад, по-моему, далеко не всегда заслуживал похвалы. Особенно когда рисовал моим куклам усы черным

фломастером.

Несмотря на то, что кукол я не любила, мои дальние родственники дарили их мне на каждый день рождения. На игры с лупоглазыми «Катями» и «Валями» у меня обычно не хватало времени, как и на любое другое нелюбимое занятие, но и рисовать на их глупых лицах усы я братцу не разрешала. В конце концов, это мои куклы. А еще брат не заслуживал похвалы, когда съедал мои конфеты. А еще когда дразнил меня книжным червем. Он утверждал, что я такая худая, потому что уже начала превращаться в червяка, и скоро, совсем скоро, буквально через год-два у меня отвалятся руки и ноги, и я стану ползать по дому, как червяки, переливаясь розовато-коричневым полупрозрачным телом. Он направлял свет настольной лампы на мое ухо и говорил, что оно уже стало настоящего червякового цвета. Не то что я ему верила на сто процентов, но он был старше, а, значит, умнее, и его слова вполне могли оказаться истиной. Я боялась, но чтения не бросала. Только каждый раз после душа минут по десять разглядывала свое тело, пытаюсь определить, не появились ли у меня такие полосочки на теле, как у червяков...

Я пила утренний кофе и вспоминала, какими же эпитетами награждали меня мои родители, друзья, знакомые и враги. От папочки я слышала только приятные слова. Он никогда не ругал меня.

Да и Влада тоже. А мамуся, поймав меня на чтении очередной книжки, грустно смотрела на меня и говорила: «Какая ты у меня все-таки странная». А я не могла понять, почему любовь к книгам превращает человека в странного. Хотя, конечно, забывать поест из-за приключений красных дьяволят сейчас мне кажется немного необычным.

Учителя в школе... Совершенно, не помню, что они мне говорили. А раз не помню, значит, ничего особенного в их словах не было. Одноклассники и одноклассницы говорили про меня разное. Мой сосед по парте Алеша (не помню его фамилию) любил перед контрольной польстить мне, чтобы я помогла ему решить задачки. Наша математичка все время удивлялась:

— Как ты, Ряпушкин, контрольные ухитряешься решать, а у доски плаваешь?

— А я у доски стесняюсь, — отвечал Алеша, густо краснея.

В общем, одноклассники не говорили мне гадостей. Только Надя Царева иногда презрительно шипела, что я воображала. Но мне было все равно. Наверное. Потому что большую часть школьных дней я почти не помню. В отличие от книг, с которыми коротала перемены. Надо же, я даже не знаю, как ко мне относились в школе! И как я к ребятам относилась...

Так, со школы, пожалуй, и стоит начать

анализ моего отношения к миру и мира ко мне, и понять в конце концов, какая из себя Маргарита Алексеевна, дама среднего возраста и вполне еще себе приятной наружности. Придется поднапрячь память. Она у меня последнее время стала какая-то дырявая...

Ой! Мурзик! Совсем про него забыла! Его ж надо покормить! И выгулять! Ой, нет, выгуливать не надо, потому что он кот!

Работа в банке не располагает к философствованиям, поэтому к своему аналитическому списку мне удалось вернуться только поздним вечером. Придя домой, я затопила печку, поужинала и накормила кота. После еды котенок стал больше похож на поросенка, и мне пришлось его вымыть. Намочив густую шерстку звереныша, я с ужасом увидела в ней черные копошащиеся точки. Блохи! Вот кошмар. Они ведь кусают бедненького малыша, а он их даже гонять не может из-за своей неуклюжести!

Часа два я вылавливала у своего питомца паразитов. В мокрой шерсти они были почти обездвижены, и поймать их не составляло труда. Вот только Мурзику эта процедура не очень нравилась, и он вертелся и орал. Потом я решила помыться сама. Вдруг какая-нибудь шальная блоха забралась на меня, и ночью будет меня кусать? В

общем, от забот я освободилась часам к одиннадцати, легла в кроватку, взяла листок бумаги и ручку и стала вспоминать.

Итак, первым номером будет мой сосед по парте Алеша. Какой он был? Ленивый, это однозначно. Хитрый. Но не глупый. Списывал он у меня с умом. Учителям ни разу в голову даже не пришло, что его сочинения на самом деле сочиняю я. Вернее, я придумывала, что писать, рассказывала это Алеше, а он описывал все своими словами. А потом я проверяла его ошибки. Сообразительный был мальчик. Интересно, как он сейчас живет? Наверняка, нашел себе жену, которая его на себе тащит.

Дальше Надя Царева. Неприятная была девочка. Злая. Любила гадости делать. Причем сначала усыпляла жертву хорошим отношением, а потом била в самое незащищенное место. Все в классе знали о Надиной подлой натуре, но легко попадались на ее удочку. Со мной она такой трюк проделала классе в третьем. Сначала неделю ходила за мной как собачонка, а потом повесила на спине бумажку с какой-то дурацкой надписью. Вроде, «я все знаю» или «я самая умная». Народ ехидно хихикал мне вслед, а я не могла понять почему. То ли колготки наизнанку одела, то ли пятно на юбку посадила. Да, неприятно было. А главное непонятно, зачем она это делала. Чтобы унижить

свою жертву и за ее счет возвыситься самой? Глупо как-то. Значит, Надя была не только злая, но еще и глупая.

Кто там еще у нас был? Ну, конечно, наша активистка, наша «в каждой бочке затычка» Лена Хитрук. Мне она, честно говоря, нравилась. Хотя бы потому, что благодаря ее активности я могла тихо и спокойно читать свои книжки. Лена была не только активистка, но и умница. Училась хорошо. Причем сама, без помощи папы и мамы. Они у нее работягами были, у папы семь классов образования, а у мамы пять. И папаша ее попивал систематически. Немного, но часто. Зря она в девятый класс не пошла. Могла бы и в институт поступить. Вместо этого она выбрала торговое ПТУ. Тогда это было престижно. Да, Леночка умела нос по ветру держать и быть в курсе. Как это у нас тогда называлось? Приспособленчество, вот как. С таким оттенком презрения. А по-моему, нет в этом ничего плохого. Никому она своим приспособленчеством не навредила, только, может, себе. Я слышала, жизнь у нее не очень задалась. Мужья, разводы, дети без отцов. Наивная Лена была. Верила всему, что ей говорили. И люди, и пропаганда. Я думаю, она и сейчас такой осталась. А еще злобы в ней не было. И за это она мне тоже очень нравилась.

Кого еще я могу вспомнить? Ну, конечно, моя

любовь Юрочка Синельников. Как же я в него была влюблена! Целых три месяца. Даже книжки на переменах перестала читать. Стояла у окошка и томно вздыхала. Юрочка мне казался идеалом мужской красоты. Кудрявый, глаза озорные, форма новенькая. А улыбка у него была... Глупая она была, вот что. Его математичка к доске вызывает примеры решать, а он не знает как, и улыбается. А в ноябре директриса заставила его постричься, и он стал похож на общипанного гусенка. Ну, и любовь моя к нему прошла бесследно. Какой он был по характеру? Умом не блистал, определенно. Но добрый был. Вежливый. Не подлый. Но хулиганить любил. Если я правильно помню, это он мышь в класс принес. Белую. Историчка как увидела ее, так на стол и заскочила. И юбка у нее при этом задралась выше, чем следовало. А под юбкой панталоны голубые. Вот уж мы смеялись! Просто до слез. Хотя, что смешного в голубых панталонах? У тетки, наверное, воспаление придатков было, она всю блокаду в Ленинграде прожила, вот ей и приходилось кутаться.

Глупые все-таки существа дети. И совсем не такие невинные, как принято думать. Многие злые, как волчата. Особенно когда компанией собираются. И мои одноклассники такими же были. Каждый сам по себе вроде и нормальный ребенок, а в стаде превращается в паршивую овцу. Как и я,

собственно. И хорошей девочкой меня только папа с мамой назвать могли. Потому что не видели меня в компании сверстников.

Взять наши летние ссылки в Матрешкино. Я за Владом хвостом ходила. Книжки у меня отнимали, и из дому в десять утра выставляли. Иди, гуляй, деточка, здоровья набирайся. Вот мы с Владом и набирались. Курили, вино пили, от пива тоже не отказывались. Братец меня на четыре года старше, и когда мне десять было, ему уже исполнилось четырнадцать. А его приятели даже взрослее были. Взять того же Володю. Или Мишку с улицы Ленина. Они шли на озеро, и я с ними шла. Они пиво пили, и я не отставала. Они беломориной затягивался, и я кашляла, но курила. Весело было. Хорошо только, что всего три месяца в году. И, слава богу, что мама с папой о наших проделках ничего не знали. И я для них была хорошей девочкой. И до сих пор ею остаюсь.

А все-таки это здорово, что родители ко мне так относятся. Не осуждают никогда, чтобы я не сделала. Замуж за Толика собралась — они нам такую свадьбу устроили, все мои друзья до сих пор вспоминают. Разводиться стала — помогли квартиру разменять. В Матрешкино переехать захотела — папа с Владом стройматериалы закупили и избушку мою в божеский вид привели. Может быть, они в глубине души считали мои

поступки неразумными, но я никогда не слышала от них ни слова укора. Как и братец мой. Он всегда говорит, что нам крупно повезло с родителями. Хотя, конечно, на мамочку иногда находит воспитательный бзик, и она пытается сделать из меня «настоящую» женщину:

— Риточка, смотри, я тебе новый рецепт засолки огурцов привезла. Говорят, очень вкусно.

А зачем мне новый, если я еще старый не опробовала? Хотя последний рецепт был очень даже ничего. Любочка по нему банок пятнадцать закатала. Три она себе забрала, две своей маме с моим папой отдала, две маме с Леонидом Григорьевичем, две Владу. По банке Косте и Сереже — сыновьям Леонида Григорьевича, а четыре мне осталось. Вернее уже не осталось, потому что я их съела. Любочка хотела, чтобы я хоть одну банку на Новый год оставила, но я как-то так увлеклась, что умяла все четыре. А сестричка еще об этом не знает. Вот уж мне достанется перед Новым годом, когда все сюда съедутся, и Любочка потребует эту банку на стол выставить!

Так и представляю, как она меня воспитывать будет:

— Какая же ты, Рита, слабовольная и эгоистичная. Я тебе и так больше всех банок оставила, а ты...

А, по-моему, все справедливо. Огурцы-то я

сама выращивала. Сажала, поливала, удобряла, листья обрывала. Даже парник сама делала. Братец, конечно, рвался мне помочь, но не успел. Я специально взяла в банке отгул и сама и пленку натянула, и землю перекопала. Подготовка парника — дело серьезное, и всяким городским лоботрясам я его поручить не могу.

А вот Костя, старший сын Леонида Григорьевича, любит всех воспитывать. Хотя после того, как я написала «Санта-Матрешкино», он меня побаиваться стал. Вдруг возьму и нарисую его в следующем романе. Причем в потешном виде. И все его друзья над ним смеяться будут. Так что он теперь тоже обо мне только в позитивном ключе отзывается:

— Все-таки, ты, Рита, молодец. И роман у тебя хороший получился. В духе лучших традиций российской литературы.

Костя преподаватель на филфаке Универа. Я думаю, он в литературе разбирается. Поэтому я и решила начать новый роман. Тот, который вы сейчас, читаете. Он, как и первый, будет о любви. Потому что любовь — это самое главное в человеческой жизни.

Некоторые за мой роман на меня обиделись. Например, наш сосед Володя. Вообще-то я не хотела давать ему мое сочинение, но Влад решил по-своему. А теперь сосед со мной едва

здоровается. Ему не нравится, что я в смешном свете изобразила его ненаглядную Наташу. Он с ней сначала расстался, но потом передумал, звонил, слезно умолял вернуться. А я теперь стараюсь проскакать мимо их дома как можно быстрее и незаметнее. Подальше от греха.

А еще Сергей, второй сын Леонида Григорьевича. Я о нем в романе почти ничего не написала, так он на это и обиделся. Решил, что я его в грош не ставлю и не считаю достойным быть увековеченным на страницах книги.

Ну, ладно, вернемся к моему списку. Что там у меня получилось? Ленивый, хитрый, умный — это о первом персонаже. Подлая, злая, глупая — о втором. То есть второй. Третья — умная, незлая, наивная. И четвертый: глупый, добрый, вежливый. На этом можно закончить. Все равно остальных ребят я, как следует, не помню. А ведь я вроде с кем-то даже дружила. Или делала вид, что дружила. Мне одноклассники были совершенно неинтересны. Ни один из них не был похож на Алексея Мересьева. Или на капитана Блада. И даже на Васька Трубачева. В общем, скучные личности. Это мне тогда так казалось. А сейчас я думаю, что на самом деле, они были не скучными, просто у нас оказалось слишком мало точек соприкосновения. Они катались на катке, гуляли до темна во дворах, ходили в спортсекции, а я в это время читала,

читала и читала... Представляю, какой скучной казалась им я! По-моему, они даже мне об этом что-то говорили... Вот только, к счастью, память мне их слов не сохранила.

Я закрыла тетрадку, приобретенную специально для исследования моей натуры, и откинулась на подушки. Полпервого. Пора спать. Завтра буду вспоминать своих сокурсников. Но перед сном, пожалуй, стоит выпить молока...

Я встала и пошла на кухню. Свет включать не стала и поэтому увидела, что перед моим домом стоит черная блестящая машина. Как вчера ее Любочка назвала? Лекус? Нет, Лексус. Похоже, Севочка решил, что мой звонок по поводу котенка имеет скрытые мотивы, и начал осаду. Ну и пусть себе сидит в своей машине. Я его впускать не буду!

Придя к такому решению, я пошла к себе в комнату, каждую секунду ожидая звонка в дверь. Но Севочка не звонил.

Я села на постель. Звонок молчал. Прошло пять минут. Потом десять. Звонка не было! Мое любопытство постепенно начало просыпаться и пока еще тихо, но весьма настойчиво, требовало, чтобы я пошла на улицу и выяснила у приятеля, почему он сидит в своей машине и не пытается меня увидеть. Через двадцать семь минут (я засекала по часам) мое терпение лопнуло, я накинула дубленку прямо на пижаму, всунула босые ноги в

сапоги и вышла из дому.

Дипломатические маневры мне никогда не давались, поэтому я просто дернула ручку и поинтересовалась:

— Можно узнать, почему ты тут сидишь?

— Так холодно на улице, — ответил мне Севочка.

— А почему ко мне не заходишь?

— А можно? — по-моему, мой приятель обрадовался.

Вот идиотка! Сказать «нет» будет не вежливо. Я сердито бросила:

— Да, — и гордо пошла домой.

Дверь машины за моей спиной хлопнула. Пискнула сигнализация, и по снегу закрипели шаги. Интересно, вроде у Севы другой сигнал был на противоугонной системе?

В доме я сняла дубленку, поменяла сапоги на тапочки и пошла на кухню. Через пару минут туда же вошел Севочка. Вот только это был не совсем Севочка. Вернее, это был совсем не Севочка. Но лицо этого типа определенно было мне знакомо. Где же я его видела? Совсем склеротичкой стала.

— Здравствуйте, Маргарита Алексеевна, — смущенно улыбнулся мужчина, явно чувствуя себя неловко под моим изучающим взглядом.

Миленькие дела! Он меня знает! А я его нет!

— Здравствуйте, — спокойно ответила я, —

чаю хотите? Или кофе?

— Кофе. Если можно, — ответил мой гость.

— Проходите в гостиную, я сейчас приготовлю, — предложила я ему.

Он кивнул и пошел в комнату. А я достала кофемолку и стала готовить обещанное. И пыталась вспомнить, где же видела этого красавчика. Потому что мужчина, действительно, был красив. Пропорциональная фигура, голубые глаза, русые, слегка вьющиеся волосы, верхняя губа изогнута как лук, а нижняя чуть-чуть выступает, так, что хочется впиться в нее поцелуем... О чем я думала, когда встречалась с ним в прошлый раз? У меня определенно было затмение мозгов! Эврика! Я вспомнила, кого он мне напоминает! Певец такой был. Пел про то, что его жена это просто место жительства дочери. Звали его Феликс. И фамилия на Ц... А дальше не помню. Но мой гость точно не Феликс. Просто похож очень. Если бы я встречалась с певцом, это не вылетело бы из моей дырявой памяти. А я с этим мужчиной точно встречалась. Иначе, откуда он знает мое имя?

Когда кофе был готов, я поставила на поднос две чашки, турку с кофе, молочник, сахарницу и печенье. А потом глянула на себя в зеркало. О, ужас! Ну, у меня и вид. Из одежды — только пижама. И тапочки на босу ногу. Хорошо, еще макияж не смыла. Но переодеться возможности нет.

Гость сидит прямо напротив двери, и увидит, как я пойду к себе. Неудобно. Но, с другой стороны, у моего неглиже есть свои плюсы. Например, оно может разбудить сексуальную фантазию этого Аполлона, и он в меня влюбится. Я бы не отказалась от такого поклонника!

Поэтому я взлохматила волосы на голове, придав им очаровательный беспорядок, и решительно понесла поднос в гостиную. Мой гость встал при моем появлении.

— Маргарита Алексеевна, ваш кофе пахнет просто бесподобно, — польстил он мне.

— Вы его сначала попробуйте, а потом хвалите, — остудила я его.

— С удовольствием, — не сдавался мужчина.

Вот уж светский лев! Обожаю таких. Просто таю в их присутствии. Это у нас семейное. Моя мамуля тоже не сумела противостоять обаянию Бориса Леонидовича.

Я разлила кофе по чашкам и, ласково улыбаясь, подала гостю его порцию. Он, также улыбаясь, взял ее и сделал глоток. После чего его улыбка стала еще шире.

— Замечательно. Именно такой кофе варит моя мама.

О господи! Где-то я читала, что такие вещи мужчина говорит женщине, когда хочет на ней жениться. Он приехал сделать мне предложение?

Но я даже не помню его! Если я откажусь, он может обидеться, и я его потеряю. Такого красивого, такого... Придется соглашаться. Хотя это верх авантюризма.

— Спасибо, все-таки вы мне льстите.

— Нет, ни капельки, — мой гость смущенно улыбнулся.

И вдруг что-то щелкнуло в моей голове, какие-то нейрончики протянули друг другу тоненькие лапки, сообщая друг другу: «это любовь, это любовь, любовь...», и я тоже смутилась, никогда не краснеющие щеки вдруг загорелись, как будто их обожгло в солярии, а на глазах появились слезы. Мужчина, не спускавший с меня внимательного взгляда, тут же это заметил и воскликнул:

— Господи, Маргарита Алексеевна! Вы плачете?! Почему?!!!

— Не знаю, — шмыгнув носом, ответила я.

И выскочила из комнаты.

Закрывшись в ванной, я попытался привести свои чувства в порядок. Стыд какой! Что этот красавчик обо мне подумает? Надо придумать какое-нибудь приличное объяснение своим слезам. Например, его слова напомнили мне какой-нибудь трагический случай из моей жизни. Допустим, погибшего возлюбленного. А если он приятель Влада, и братец расскажет, что никто у меня не

умирал? Ну, братец ведь не мой исповедник, он может не знать о таком трагическом эпизоде. Я вполне могла ничего никому не рассказывать... А с какой радости я вдруг буду откровенна с этим лже-Феликсом? Я и ему ничего не скажу. Просто буду печальна и таинственна. Решено. И я аккуратно вытерла лицо, стараясь не размазать тушь, припудрила носик и вышла из ванной.

Гость грустно сидел в гостиной.

— Простите меня, я вела себя недопустимо, — начала я, войдя в комнату.

Он встал, подошел ко мне, взял за руку и возразил:

— Это мне не следовало беспокоить вас среди ночи. Мне лучше уйти. Я влез в вашу жизнь непрошено...

— И я благодарна вам за это, — прервала я его, — вы отвлекли меня от грустных мыслей... Не уходите... Пожалуйста.

Он остался. И мы пили кофе и болтали о погоде, предстоящих Новогодних праздниках (которые он предложил встретить вместе, если мне не подвернется компания получше, и я обещала подумать), достоинствах и недостатках машин (у него, кстати, оказался вовсе не Лексус, а БМВ) и домашних любимцах. Прощаясь, мой Феликс сказал мне, что я хороший человек, самый лучший среди тех, кого он знает, нежно пожал мне руку,

обещал приехать еще, но уже пораньше, и ушел. Предложение, слава богу, он не сделал. Но, я надеюсь, еще сделает. Жаль только, что я так и не вспомнила, как его зовут.

Глава 3. Гений

Я ждала своего ночного гостя почти неделю. Даже список самоопределения отложила на время, чтобы не отвлекаться по пустякам. Мужчина не появлялся. Тогда я решила, что это какой-нибудь приятель Влада, которого братец науськал, чтобы подшутить надо мной. Тем более, что Владик у меня не появлялся и не звонил. Я коротала вечера в одиночестве. Даже Любочка обо мне забыла.

Только Мурзик скрашивал долгие холодные ночи. Он рос не по дням, а по часам, и буквально за два дня научился есть из блюда и залезать ко мне на постель. Последнее он проделывал, цепляясь коготками за одеяло и истошно вопя. Во мне просыпалась материнская нежность, и я затаскивала его к себе, прижимала к груди, и мы засыпали, чрезвычайно довольные друг другом.

Я уже была готова обидеться на своих забывчивых родственников, когда у меня объявилась Любочка. Она приехала взбудораженная и растерянная. Едва войдя в дом и скинув норковую шубку, сестричка сунула мне

большой конверт.

— Прочти, — лаконично бросила она и пошла на кухню готовить ужин.

Я вытащила из конверта письмо, напечатанное на компьютере и подписанное от руки витиеватой подписью. Сказать, что содержание этого листочка бумаги меня удивило, это не сказать ничего. Оно меня изумило, поразило, сравняло с землей и вознесло на небеса одновременно.

Любочке писал некий мистер Джеймс Перкинс. Он был поверенным мистера Эндрю Корита, умершего от рака крови полгода назад. И этот Корит оставлял Любочке все свое немаленькое состояние, так как моя сводная сестрица являлась родной его дочерью.

Про подобные повороты судьбы я читала множество разных книжек. От классиков до современных графоманов. И часто думала, а что бы было, если бы... Обычно моя фантазия умирала после получаса восторженных гипотетических походов по магазинам. Что делать с ТАКИМИ деньгами я просто не знала. Хотя и работала в банке. О чем я честно сообщила Любочке.

— Если ты думаешь, что я могу помочь тебе в управлении этим капиталом, то ты сильно ошибаешься, — начала я.

Она невежливо прервала меня:

— Ты считаешь, что это все не шутка? Мне кажется, что это наш братец решил надо мной приколоться.

Я задумалась. Вспомнила милого ночного гостя, так и не приехавшего ко мне второй раз, и решила, что это, действительно Владиковы приколы. Ладно, мы тоже не лыком шиты, и тоже умеем шутить. Так что, кто будет смеяться последним, мы еще посмотрим!

Любочка внимательно выслушала историю ночного визита и тоже пришла к выводу, что данная ситуация требует мести. Причем страшной.

— Что больше всего боится наш брат? — поинтересовалась она.

— Детей, — не задумываясь, ответила я.

— Замечательно, — мстительно прошипела сестрица, — у нас на работе одна девчонка беременна. Отец ребенка, естественно, женат, и знать своего отпрыска не хочет. Аборт Надька делать не будет, а ее квартирная хозяйка велела чемоданы паковать. Ей жиличка с ребенком не нужна. Вот Владик этим малышом и займется.

— Подожди, подожди, — воскликнула я, — если мама с папой о ребенке узнают, они его жениться заставят.

— Ну и хорошо, — зло ответила Любочка.

— А эта Надька хоть хорошенькая? Жалко все-таки братца, ему ведь с ней жить придется.

— К сожалению, Надька красавица, каких мало. Блондинка с карими глазами. Я даже Пашку к ней ревновала, пока она не залетела.

— Ничего не к сожалению, тебе самой надоело бы с уродкой общаться.

— Это не мне с ней пришлось общаться, а нашему братцу. Особенно по ночам.

— А на семейных праздниках она портила бы нам фотографии своим отвратительным видом.

Любочка задумалась. Потом кивнула:

— Да, ты права. Если он с ней хотя бы год проживет, так это, по крайней мере, десяток праздников. И на каждом мелькала бы ее уродская рожа. Так что хорошо, что она красивая. Будет фотографии украшать. Я ее сейчас сюда приглашу, и пока она едет, мы план обмозгуем, — и Любочка стала тыкать в кнопки мобильного.

Через час мы рассказывали очаровательной натуральной блондинке с огромными черными глазами наш план. Она испуганно смотрела на нас и пыталась возражать.

— Ваш брат сразу поймет, что я его обманываю. Мы ведь не встречались никогда.

— Ерунда. Влад баб меняет, как перчатки. Наверняка, всех не помнит. Тем более, что ваш роман случился пять месяцев назад, — успокаивала коллегу Любочка, — можешь сказать, что влюбилась в него с первого взгляда, потеряла

голову, отдалась, телефончик оставила и стала ждать его звонка. А он, гад, не позвонил. А потом выяснилось, что ты ребенка ждешь. Его ребенка, потому что у тебя других мужчин не было в это время. Ты их всех отшивала, так как влюблена была в прекрасного Владислава.

— А он хоть симпатичный? — робко поинтересовалась Надя.

— Просто «Мистер Вселенная», — безапелляционно заявила сестрица. Я почувствовала, как гордость за брата наполняет мое сердце.

— А фотки у вас есть?

— Да, — я включила компьютер, и открыла папку с Владовыми портретами, предвкушая, как будет поражена девушка.

Она не обманула моих ожиданий. Несколько минут изучав экстерьер моего братца, Наденька томно вздохнула:

— Действительно, очень красивый мужчина. Я думала, таких не бывает в жизни.

— Точно, я тоже так думала, пока с Владом не познакомилась, — подтвердила Любочка.

Надя удивленно подняла изящную черную бровь, и сестричка пояснила:

— Он мне не родной брат, а сводный. Моя мама вышла замуж за отца Влада и Риты.

— А-а-а. А вы, Маргарита Алексеевна, его

родная сестра?

— Да, на все сто. И мама, и папа у нас общие, хотя мы не очень похожи.

— А вы не возражаете, что я своего малыша вашему брату... м-м-м... подсуну?

— Не возражаю. Он нам с Любочкой свиней подсовывает и не переживает. Так что нечего с ним церемониться, — отмела я сомнения девушки.

— Хорошо, тогда я попробую.

Следующие полчаса мы разрабатывали линию поведения Наденьки, чтобы не было никаких ляпов и нестыковок. Тем более, что их романтическая встреча приходилась как раз на время нашего с Любочкой совместного житья, и о приключениях Влада в начале лета мы знали довольно много. Что-то мы видели сами, что-то он нам рассказывал, о чем-то его друзья поведали. В общем, мы нашли день X, о котором Влад, скорее всего, мало что помнит, и ввели Надю в курс происходившего на той чудесной вечеринке. И даже нафотошопили несколько фотографий — для большей достоверности.

А потом девушка поехала домой. Мы с Любочкой проводили ее до электрички и устроились на кухне пить кофе. И тут сестрице на глаза попался злополучный конверт. Она взяла его в руки и хотела выкинуть в печку, но я ее остановила. Мне пришло в голову, что было бы

неплохо поддержать Владову игру и позвонить по указанному в письме телефону. Тем более, что номер был питерский, и платить за звонок не придется.

— Ну, ты гений, — восхитилась Любочка, — если мы не ответим, Влад поймет, что его раскусили, и наша интрижка с Надей провалится. А так он будет думать, что мы все приняли за чистую монету и ждем наследство. Знаешь, я думаю, мы должны Владу о нем рассказать. Можно даже помечтать, что мы будем с деньгами делать...

— Правильно, — согласилась я, — если мы ему не расскажем, он будет думать, что мы разгадали его шутку. Так что завтра ты позвонишь этому мистеру Перкинсу, а потом пригласишь Влада сюда и все расскажешь мне и ему. Я буду делать вид, что первый раз слышу эту сказочную историю...

— Здорово, — перебила меня Любочка. — так мы окончательно усыпим его подозрения. Но ты тоже должна участвовать в игре. Ну, с этим Феликсом. Если он объявится, ты будешь с ним кокетничать и завлекать его в свои сети, как будто и не догадываешься, что он приятель Влада.

— Ты права, — согласилась я.

Тем более, что завлекать в сети бесподобного Феликса было очень приятным занятием, целиком и полностью совпадавшим с моими тайными

желаниями. Если бы не наша месть, я бы шутника даже на порог не пустила, а теперь у меня открываются бесконечные возможности, ведь все свои глупости я смогу объяснить розыгрышем.

А еще я окончательно решила, что склероз мне не грозит, и с прекрасным Феликсом я не встречалась. Это было приятно. В конце концов, любая женщина была бы огорчена, почувствовав приближающуюся старость, признаком которой совершенно определенно является некоторое нарушение памяти. Но для меня еще не все потеряно! Я еще молода и могу привлекать взгляды мужчин. Мой ночной гость явно был мною очарован. А вдруг они с Владом решат не продолжать игру? Надо рассказать братцу о бесподобном мужчине, в которого я влюбилась с первого взгляда. Это подстегнет его на дальнейшие авантюры.

Я поделилась с Любочкой своей идеей и взяла мобильник, включив громкую связь, чтобы и сестра могла насладиться беседой.

— Привет, Владик.

— Привет, сестрица. Как поживаешь? — голос ехидный, к гадалке не надо ходить: и Феликс, и мистер Перкинс — его рук дело.

— Не очень, братик. Грущу вот.

— С чего бы это? Кошак надоел?

— Нет, Мурзик тут не при чем. Дело в

мужчине.

— В мужчине?! Марго, ты меня удивляешь!

— Я сама себя удивляю, милый. Слушай, я тебе расскажу. Ты мне брат, да еще мужеского полу к тому же, может, поможешь, — и я поведала Владу про визит незнакомца, особенно напирая на то, что красавец поразил меня в самое сердце.

— И вот теперь я сижу и жду его звонка. А он не звонит. И я подумала, может это кто-то из твоих знакомых? — закончила я свой рассказ, а Любочка сделала на последней фразе большие глаза, намекая на мою излишнюю откровенность, но я ее успокоила жестом. Как пить дать, братец открестится от знакомства с Феликсом. И точно, едва я замолчала, он (с нескрываемой иронией в голосе) посочувствовал:

— Мне очень жаль, Маргоша, но с неземным красавцем на БМВ я не знаком. Среди моих знакомых нет ни одного владельца такой машины. Мы — в связи с недостаточным финансированием — предпочитаем российский автопром.

Я вздохнула. И печально произнесла:

— Тогда пока. Позвоню еще Любочке, может она его знает.

Сестрица в это время каталась по дивану, зажимая себе рот, чтобы не рассмеяться в голос. Я нажала кнопку отбоя и задумалась. Ведь были еще родители. Их явно не стоило посвящать во все эти

интриги. Елена Николаевна сразу поймет, что мистер Перкинс — это просто шутка. Уж ей то хорошо было известно имя настоящего отца Любочки. Помнится, она как-то о нем говорила. Что-то вроде: «Красивый был мужчина, талантливый». Кажется, он актером был. Или музыкантом. И фамилия у него была не Корит. Жаль, я тогда невнимательно слушала папину жену.

— Любочка, есть один момент в этой истории, — начала я. Сестричка перестала хохотать и уставилась на меня испуганным взглядом.

— Наши предки, — объяснила я ей, — им может не понравиться эта игра. Хотя, что я говорю! Она им на сто процентов не понравится. Поэтому...

— Я поняла, — кивнула Любочка, — мы им ничего говорить не будем. Чтобы не огорчать.

— Точно, — улыбнулась я понятливой девочке.

— Давай ужинать? — предложила она.

Я не стала отказываться, мой слюнные железы уже давно вполне адекватно ответили на умопомрачительные запахи, доносившиеся из кастрюль, над которыми колдовала сестричка.

Глава 4. Непрактичная барышня

А через два дня появился прекрасный Феликс. Он приехал вечером. На улице было тепло и тихо.